

ВИКТОР ГЛЕБОВ

НЕЖИЛЕЦ

СЕРИЙНЫЙ ОТДЕЛ

ДЕТЕКТИВ НЕ ДЛЯ
СЛАБОНЕРВНЫХ

18+

Серийный отдел. Детектив не для слаонервных

Виктор Глебов

Нежилец

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глебов В.

Нежилец / В. Глебов — «Эксмо», 2015 — (Серийный отдел.
Детектив не для слабонервных)

Следователь Самсонов работает в отделе серийных убийств. Когда он был еще подростком, маньяк убил его старшую сестру при помощи промышленного утилизатора. Преступник – некий Хоботов – был найден по горячим следам, осужден, а потом прикончен сокамерниками. И вот спустя десять лет после тех трагических событий Самсонову поручают расследование жуткого происшествия: на заброшенном заводе в похожей утилизационной гидравлической машине зверски убита молодая женщина. Самсонов берется за расследование и пытается выяснить, старый это маньяк или новый? Очень скоро «отмороженный» дает о себе знать: он похищает дочь начальника отдела полиции и предлагает Самсонову поиграть в игру «Попробуй найди»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Глебов В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Понедельник, 12 июня	6
Вторник, 13 июня	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктор Глебов

Нежилец

Черный цвет содержит белый, желтый и прочие.

В Кали же заключены все существа в мире.

Маханирвана-Тантра

© Ежов М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Призраки прошлого

Понедельник, 12 июня

Павел Петрович Башметов, начальник особого отдела РУВД и, стало быть, Самсонова, сидел после окончания рабочего дня у себя в кабинете и курил сигару, специально приобретенную по особому поводу: его дочь Вероника окончила школу.

– Документы решили подать сразу в три вуза, – говорил Башметов, попыхивая сигарой. Окно было распахнуто, и за ним качались на небольшом ветру тонкие ветки яблони. – В Корабелку, Политех и Университет путей сообщения. Баллы у нее высокие, должно хватить. Правда, говорят, что туда берут пацанов в основном. Вот только не очень-то они идут в технические вузы нынче.

Башметов поерзал, поудобнее устраивая массивное тело в кресле. За последние годы он здорово пополнил и, кажется, не собирался останавливаться на достигнутом. С тех пор как Башметова назначили руководителем так называемого «серийного» отдела, жизнь его стала куда как спокойней: в России маньяки водились не в таком количестве, как в США или Южной Америке, что весьма Башметова радовало.

В кабинете присутствовали подчиненные Башметова: опера Рогожин, Морозов и Горелов, следователи Дремин и Коровин. День выдался на редкость жаркий, и все присутствующие изнывали от духоты. Вонь от сигары лишь усугубляла тяжелую атмосферу кабинета, и полицейским больше всего хотелось выбраться на улицу, где по крайней мере ощущалось дуновение ветерка.

Самсонов примостился на подоконнике, вертя в руках пластиковый стакан с безалкогольным шампанским. Он тоже был следователем, но вскоре должен был пойти на повышение – по крайней мере так считал его начальник. У самого Самсонова на этот счет были серьезные сомнения: не столько из-за того, что существовали и другие претенденты, сколько потому, что он не был уверен, что действительно хочет и дальше заниматься полицейской работой. В последнее время маньяки не объявлялись, и Самсонов начал откровенно скучать, даже подумывал подать рапорт о переводе обратно в «убойный» отдел – там по крайней мере отдохнуть было некогда.

Почему же он перешел сюда, под начало Башметова? Все дело было в том, что в последнее время дела, которые он вел, казались ему все однообразнее, дни превращались в рутину, и он чувствовал, как постепенно превращается в машину для заполнения отчетов, протоколов и прочих бумажек. Больше половины дел представляли собой банальнейшую бытовуху, и расследовать там было особо нечего: то мужик спьяну зарежет жену и сам вызовет полицию, то жена огреет неверного супруга сковородой по голове – и опять же вызовет полицию.

Самсонов слишком хорошо помнил, для чего пошел служить в полицию. Перестать болеть душой за свое дело означало для него предать человека, которого он не мог вычеркнуть из своей жизни, несмотря на то что того давно уже не было в живых. И он не хотел тратить время на то, что мог бы сделать каждый мало-мальски обученный следок. Самсонов мечтал вести дела, требующие полной выкладки. И еще он хотел ловить и сажать демонов в человеческом обличье – маскирующихся под людей монстров, не ставящих чужую жизнь ни в грош.

Следователь провел ладонью по короткому ежику светло-русых волос (подстригся он только вчера и еще не привык к новой прическе, хотя Карине она понравилась) и пошевелился на подоконнике, принимая более удобную позу, при этом кобура немного съехала и уперлась

во внутреннюю сторону плеча. Полицейский досадливо поморщился и непроизвольно сжал пластиковый стаканчик, едва не выплеснув его содержимое себе на джинсы.

– Я обещал Нике закатить вечеринку, – сказал Башметов, обводя подчиненных добродушным взглядом. – Собственно, практически все готово. Вы все приглашены. Отказов не принимаю.

– Когда торжество-то, Пал Петрович? – спросил весело Дремин.

Он тоже курил, только сигарету, украдкой стряхивая пепел в кадку с фикусом, стоявшую возле двери. У него были выразительные черты лица, короткие черные волосы, торчащие ежиком, и тонкая полоска усов, которые он отрастил совсем недавно, чтобы походить на какого-то актера, от которого была в восторге его жена. Казалось, его единственного не смущали ни жара, ни клубы табачного дыма, расплзающегося по кабинету.

– Завтра в шесть у меня на даче, – ответил Башметов. – Адрес дам. Это недалеко от Павловска.

– Получается, у нас послезавтра выходной? – прищурился Коровин. – А то мы ж не встанем с утра!

– Получается, – кивнул Башметов. – Только, пожалуйста, без экстрима! Я не хочу, чтобы этот день запомнился Нике как пьяный разгул папиных сотрудников.

– Пал Петрович, за кого вы нас принимаете?! – притворно возмутился Дремин. – Мы ж это... малопьющие и высокоморальные!

– Это ты своей бабушке-монашке расскажи! – усмехнулся Башметов. – Ладно, сейчас приказываю р-разойтись, а завтра милости прошу ко мне. С собой можно не приносить, все есть.

– Что, прямо настоящий банкет будет? – поинтересовался Коровин, почесав небритую щеку короткими пальцами. Он был невысоким, крепко сбитым шатеном с широко расставленными серыми глазами. В выражении его лица мелькало нечто мальчишеское – словно он всегда был готов удивляться новому. Самсонову толковый и исполнительный Коровин был симпатичен, и он был рад, что они работают вместе.

– Ага! – широко улыбнулся Башметов. – Самый что ни на есть натуральный банкет. С фуагррой и этими, как их... канапе! Как в лучших домах, короче.

Опера и следаки начали расходиться. Было уже поздно, солнце висело над крышами домов огненным шаром. Из-под ног вспорхнули тяжелые сытые голуби и перелетели поближе к помойным бакам. Какой-то бомж не торопясь рылся в мусоре, высоко поднимая целлофановые мешки и придирчиво рассматривая их содержимое.

Самсонов вышел вместе с Дреминым.

– Ну что, Валер, – проговорил тот, – завтра будешь на празднике жизни?

– Конечно. Куда ж я денусь?

– С подводной лодки?

– Ага.

– Ладно, давай.

Обменявшись рукопожатиями, они расстались. Дремин сел в белый «Фольксваген», а Самсонов – в свой старенький «Шевроле». Покрутил ручку радио, пытаясь найти подходящую волну. Когда послышалась песня «Guns'n'Roses» – «Knocking on heaven's door», следователь включил зажигание и вырулил со стоянки служебных автомобилей. Влившись в поток, он поехал в церковь – поставить свечку за Марину, свою сестру, много лет назад убитую сумасшедшим, который похитил ее и перемолол промышленным утилизатором на заброшенном заводе. Оказалось, что для этого ему пришлось специально реанимировать старый станок и заново подвести к нему электричество. Подготовка заняла не меньше недели. Самсонов был убежден, что, если бы его не поймали, он продолжал бы убивать – жестоко и методично. Преступника звали Виктор Хоботов, его прикончили сокамерники в первый же год заключения –

не захотели сидеть вместе с убийцей детей. Самсонов жалел лишь о том, что сам в то время был слишком мал и не мог лично схватить преступника. Но в полицию он все равно пошел – чтобы бороться со злом, как бы пафосно это ни звучало. Он никогда никому не говорил о своих мотивах, но всегда знал, что именно желание защитить людей от жестокости таких, как Хоботов, привело его в полицию. Марина была его путеводной звездой, она не позволяла ему схалтурить, пустить что-то на самотек. Самсонов поражал сослуживцев своим рвением, стремлением довести любое расследование до конца. То, что, как правило, ему это удавалось, вызывало уважение. Опера подчинялись ему практически беспрекословно, потому что знали: если он требует, значит, так надо. А раз надо, все равно сделать придется – иначе Самсонов не отстанет.

И вот теперь ему казалось, что он совершил ошибку, перейдя в «серийный» отдел. За все время им довелось раскрыть лишь одно дело, да и оно не заняло много времени и особых усилий не потребовало: какой-то наркоман возомнил себя оборотнем и подкарауливал в парке женщин, возвращавшихся вечером с работы. Он успел убить троих, перегрызая им горло, пока собственный отец не застучал его дома с окровавленным лицом и не позвонил в полицию. Так что гордиться «серийному» отделу пока было особенно нечем.

Самсонов припарковался возле районной библиотеки и вылез из машины, шурясь от солнца. Достал из нагрудного кармана и надел очки-авиаторы с бледно-голубыми стеклами – подарок Карины.

Церковь была новой, построенной лет десять назад. Она располагалась в саду между двумя шоссе. Чтобы в нее попасть, нужно было пройти через чугунный мостик, на котором стояли дети, кормившие уток. Самсонов на несколько минут задержался, постоял, облокотившись о перила и глядя на воду. Солнце еще не село, хотя едва виднелось над крышами домов. На волнах искрились желтые зайчики.

Полицейский взглянул на часы и пошел в церковь. Она еще была открыта, но времени оставалось немного – как раз чтобы поставить свечку и заказать заупокойную. Самсонов размашисто перекрестился перед папертью и вошел в прохладу храма. Тот был небольшой, но уютный. На белых оштукатуренных стенах чинно висели иконы в багетных позолоченных рамах. Перед ними трепетали огоньки свечей и лампад. Пахло воском и ладаном, в дальнем углу перед распятием истово молилась, кладя земные поклоны, закутанная в темно-серое старуха.

Следователь всегда ходил в этот храм с тех пор, как его построили, хотя раньше предпочитал Чесменскую церковь. Ту он помнил с детства – еще когда в ней был музей и родители водили его посмотреть на макеты кораблей и картины, изображавшие знаменитую морскую баталию.

Самсонов снял очки, купил две свечки и поставил одну перед Богородицей Заступницей, а другую – перед Христом. Помолился о Марине и заказал заупокойную.

Из церкви он вышел всего за несколько минут до закрытия. Настроение было паршивым – как всегда в этот день. Сев в машину, Самсонов позвонил родителям – он поступал так каждую годовщину. Они никогда не говорили о Марине, даже не упоминали о ней. Говорили о других, самых обычных вещах, но знали, что делают это в память о ней – как бы собираются вместе, всей семьей. Раньше Самсонов приезжал к родителям домой, но это было слишком тяжело – разговор по телефону был куда лучше.

Через десять минут следователь попрощался с отцом, передал привет матери, завел мотор и поехал домой. По радио звучала песня Бутусова «Титаник», и Самсонов начал невольно постукивать в такт пальцами по рулю. Наверное, даже хорошо, что завтра он поедет на дачу к Башметову. Можно будет отвлечься, любясь на его дочку, полную надежд на будущее. Он видел ее уже дважды, когда начальник приглашал своих сотрудников на юбилей и на новоселье, – Петрович любил собирать компанию из тех, с кем работал, он считал, что это способствует укреплению рабочих отношений. Вероника была веселой и общительной девчушкой

с толстой рыжей косой и голубыми глазами. Она почти все время улыбалась и старалась держаться поближе к отцу. Впрочем, за три прошедших с последней встречи года она, конечно, подросла и повзрослела.

Самсонов свернул на аллею и сбросил скорость. Он уже подъезжал к дому, стоявшему в окружении разросшихся кленов. Он решил, что ляжет спать пораньше – чтобы не предаваться грустным мыслям о сестре, которая не дожила даже до окончания школы.

Вторник, 13 июня

На следующее утро Самсонов встал еще до семи, умылся, тщательно побрился и спрыснул туалетной водой с резким, но приятным ароматом – Карининым подарком. Он вообще заметил, что в его жизни появлялось все больше вещей, связанных с ней. И конечно, напоминавших о ней. Наверное, скоро он предложит ей переехать к нему – ведь, кажется, таким должен быть следующий шаг в развитии серьезных отношений. А у них с Кариной все было серьезно. Так чувствовал Самсонов, и это его радовало.

Перед тем как отправиться на кухню готовить завтрак, он взгляделся в запотевшее с нижнего края зеркало. На него смотрело обычное лицо с тяжелой челюстью, твердой линией рта и серыми глазами под двумя прямыми чертами светлых бровей. И что Карина нашла в нем? Этого Самсонов за четыре месяца, которые прошли с начала их отношений, так и не понял.

Полицейский поджарил яичницу с ветчиной и помидорами, налил себе черный кофе и уселся перед окном. За деревьями серел привычный пейзаж: пыльный город, типовые дома-коробки со слепыми окнами, стаи птиц.

Самсонов старался не думать о том, что видел во сне. Он гнал образы, но они упорно всплывали из памяти, навязчивые и липкие, как паутина.

Он видел кошмары, связанные с гибелью сестры, и раньше, но потом они прекратились, а теперь, похоже, вернулись.

Самсонову снилось, что он находится в темном помещении, где пахнет плесенью и кровью. Наверху – крошечные окошки, забранные решеткой. Стекла в них выбиты, и на прутьях развеваются клочья серой пыли. Какая-то птица размеренно стучит клювом по железной крыше.

Впереди, в освещенном круге, стоит ржавый, похожий на железный куб утилизатор. Из него торчит что-то бледное, угловатое. Самсонов всматривается в эти странные предметы, но они расплываются, словно глаза отказываются признавать реальность. Неведомая сила заставляет Самсонова сделать несколько шагов вперед, и он понимает, что утилизатор покрывает не только ржавчина. Он выпачкан запекшейся кровью, и у его подножия темнеют багровые лужи.

Самсонов наступает на что-то мягкое и влажное. Он наклоняется, чтобы рассмотреть бесформенный бурый кусок, немного похожий на губку. Пытается его поднять, но он выскальзывает: пальцы никак не могут ухватить это омерзительное нечто. Самсонову кажется, что это гигантский слизняк, но вдруг он понимает: на полу лежит кусок печени. Самсонов резко выпрямляется, отдергивая руку. Пальцы перемазаны кровью, и он поспешно вытирает их об одежду.

Самсонов идет дальше, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить еще на что-нибудь. Аккуратно обходит серо-синие ошметки, смахивающие на разорванный кишечник, и замечает слева нечто белое. Пахнет фекалиями, и Самсонову приходится сдерживать дыхание, но вонь все равно проникает в легкие, вызывая приступ тошноты.

Белый предмет приковал его внимание, и Самсонов не может удержаться от того, чтобы не подойти ближе. Он садится на корточки и берет двумя пальцами мягкий шарик, который больше не кажется таким уж белым: он испещрен красными прожилками, свисающими с него, подобно вялым мокрым ниткам, а в центре можно различить черно-голубой круг. Самсонов понимает, что держит в руке человеческий глаз, и его тут же выворачивает на покрытый кровью пол. Желудок содрогается, исторгая жижу, резкая и кислая вонь которой добавляется к той, что уже пропитала все вокруг.

Самсонов поднимается на ноги, вытирает рот рукавом и замечает, как из-за железного куба появляется черный силуэт. Он надвигается на Самсонова, и вот уже можно различить в неверном желтом свете четыре руки и горящие на лице глаза – кровожадные и жестокие. Кали

раздвигает алые губы в жуткой ухмылке, и становятся видны белые клыки. Богиня ничего не говорит, но Самсонов слышит в голове ее голос. Она требует, чтобы он принес жертву!

Между зубов у Кали струится кровь, толстый шершавый язык проводит по чувственным губам. Она протягивает руку и выдергивает из утилизатора один из бледных предметов – почему-то не перемолотый обрубок ноги, часть голени со ступней. На пальцах виден облупившийся розовый лак. Богиня раскрывает рот и вонзает в белую плоть зубы. Кожа лопается с треском разрываемой ткани, кровь брызжет во все стороны. Ее нереально много, она обдаёт Самсонова с ног до головы, и он с содроганием падает на колени.

Он обессилен этим жутким зрелищем. Кали отрывает кусок икры и с чавканьем жуёт. Она напоминает крокодила, явившегося за падалью. Богиня смотрит на Самсонова и вдруг начинает хохотать. Из пасти у нее брызжет кровавая слюна, летят куски плоти и осколки костей.

Самсонов резко вскочил, едва не опрокинув тарелку. Образы ночного кошмара отступили, но руки дрожали, и во рту пересохло.

Самсонов с отвращением взглянул на остатки завтрака и отправил тарелку в раковину. Затем быстро оделся, излишне тщательно проверил «макаров» и отправился на службу, насвистывая мелодию «Californication» – в основном чтобы поднять себе настроение.

Первая половина дня прошла относительно спокойно. Следователь просматривал материалы по делам, которыми занимались разные «убойные отделы» – на предмет совпадений, но ничего обнадеживающего не проклеивалось.

Около часа Самсонов отправился обедать в ближайшее кафе. Мобильник зазвонил, когда он допивал чай с лимоном.

– Да? – спросил он, увидев, что на экране высветилось «Дремин».

– Валер, ты где?

– Обедаю.

– Тебя Башметов ищет. – Голос у следака был странный. – Срочно!

Самсонов замер: неужели новое дело?! Наконец-то!

– Что случилось? – Он резко встал, оставив кружку, и полез за бумажником, чтобы расплатиться.

– Тебе лучше поторопиться.

– Все так серьезно?

– Уж поверь! – проговорил Дремин совсем глухо.

Что-то в его голосе заставило Самсонова насторожиться.

– Ладно, – сказал он, – скоро буду, я тут недалеко.

Отсоединившись, Самсонов оплатил счет и вышел на улицу. Слова и тон Дремина вызвали дурные предчувствия, хотя было совершенно непонятно, что могло такого случиться в его отсутствие. Несмотря на жару, Самсонов почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Взглянув на небо, он с удивлением обнаружил набегающие с востока темно-серые тучи. Было душно – как перед сильной грозой.

Сунув руки в карманы ветровки, полицейский торопливо направился к управе.

Там его встретил Дремин.

– Похоже, завтрашнее торжество отменяется! – бросил следак, едва увидел Самсонова.

– Да что случилось-то?!

Дремин замаялся, что было на него не похоже.

– Может, лучше спросишь у Башметова?

Самсонов открыл было рот, чтобы высказать все, что думает о Дремине и вообще обо всех, кто изъясняется экивоками, но в этот момент открылась дверь кабинета Башметова, и в коридор выглянул начальник. Лицо у него было озабоченное, при виде следаков он нахмурился.

– Услышал твой голос, – сказал он Самсонову. – Почему тут болтаешься до сих пор? Я тебя жду, между прочим.

– Уже иду, Павел Петрович. Кое-кто тут шифруется. – Следователь кивнул в сторону Дремина. – Не хочет толком объяснить, что случилось. – Он вопросительно воззрился на начальника.

Башметов смущенно кашлянул:

– Я тебе объясню. Зайдите оба.

Самсонов и Дремин вошли в кабинет и устроились на стульях перед столом Башметова. Начальник опустил в вращающееся кресло и сложил руки перед собой. Обежал взглядом репродукции Эшера, развешанные по стенам. Самсонов внезапно понял, что вид у него растерянный, и это было поразительнее всего. Сколько он знал Башметова – а он служил под его началом еще до перевода в «серийный» отдел, – тот всегда знал, что делать.

– Дело такое, – медленно проговорил Башметов. – Меньше часа назад мне сообщили, что на старом заводе обнаружен труп. – Он взглянул на Самсонова. – Перемолот утилизатором. Я подумал, что ты, Валера, захочешь возглавить расследование, но решение оставляю за тобой. Если откажешься – пойму.

Несколько секунд Самсонов переваривал услышанное. Он сидел, уставившись в широкое озабоченное лицо Башметова, пока наконец не выдавил:

– Чей... труп?

Башметов кашлянул.

– Пока что трудно определить. Сам понимаешь. – Дальше он заговорил очень быстро: – Я выслал опергруппу, в том числе Морозова и Коровина. Криминалисты скоро возьмутся за дело и все скажут, но на данный момент ясно одно: результаты... прошлого расследования придется пересмотреть. Либо это совпадение, либо подражатель, но...

– Подождите, Павел Петрович! – перебил его Самсонов, приходя в себя. – Вы имеете в виду... дело Хоботова?

Башметов нехотя кивнул.

– Я понимаю, тебе неприятно это слышать. И вообще вся эта... ситуация... – Он сделал неопределенный жест рукой. – Короче, ты хочешь сам заняться этим делом?

– Конечно! – уверенно ответил Самсонов.

Разве могло быть иначе? Он похоронил желание свести счеты, потому что преступник, убивший его сестру, был, как он считал, мертв, но, если произошла ошибка... страшная ошибка! – он должен быть в первых рядах, должен схватить своего врага за руку!

Башметов посмотрел на Самсонова в упор и медленно кивнул.

– Так я и думал. Только не надо распространяться о том, что ты связан с этим делом. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Самсонов понимал.

– Да, – сказал он. – Не беспокойтесь.

– Тогда сразу к делу. – Начальник принял серьезный вид. – Вот адрес, это в двадцати минутах езды. Отправляйтесь оба, потом доложите. – Он протянул Самсонову листок с названием улицы и номером строения. – Это завод по переработке целлюлозы, – добавил Башметов. – Вернее, был. Уже год, как не работает: предприятие обанкротилось и выставило территорию на продажу вместе со всем, что на ней есть. Вот только желающих ее приобрести пока не нашлось.

Самсонов встал, Дремин тоже.

– Спасибо, Павел Петрович, – проговорил Самсонов. Он отлично понимал, что начальник мог вообще не допустить его до расследования. Башметов же назначил его главным. – Это... действительно очень важно для меня!

Башметов махнул рукой:

– Я понимаю. Только держи себя в руках, договорились?

Полицейский кивнул:

– Ну, все, идите.

Самсонов и Дремин заговорили только на улице.

– Слушай, я понимаю, что ты чувствуешь, – сказал следак, останавливаясь возле крыльца. – В смысле – могу себе представить. Наверное.

– Спасибо, – сдержанно кивнул Самсонов.

Ему не хотелось об этом говорить: еще неизвестно, может, этот случай просто похож на тот, который имел место много лет назад. Преступник, убивший Марину, был пойман и умер – дело закрыто. Против Хоботова нашлись неопровержимые улики – Самсонов тщательно изучил материалы, когда начал работать в полиции. Никаких сомнений в его виновности не возникало.

– Просто имей в виду, что лично я сделаю все, что понадобится, – сказал Дремин. – Можешь на меня полностью положиться.

Самсонов молча пожал ему руку.

– Возможно, это просто совпадение, – проговорил он. – Скоро все выяснится.

Верил ли он сам в это? Скорее, хотел верить.

Они с Дреминым сели в машины и поехали в восточную часть города. Миновав площадь Победы, вырулили на Костюшко и через десять минут остановились перед железными воротами, где уже выстроились автомобили членов опергруппы и криминалистов. Навстречу им вышел Морозов, на ходу прикуривая от зажигалки «Зиппо».

– О, здорово! – кивнул он. – Полтавин уже приступил, просил никому не входить. Ну и зрелище там, я вам скажу. – Опер покачал головой и выпустил струю дыма.

У Морозова было костистое лицо с шапкой рыжеватых волос, голубые глаза, которые он имел привычку часто щурить, даже если не было солнца, и мелкие веснушки, заметные, только если присмотреться. На его желтой куртке была куча карманов, всегда набитых под завязку. Казалось, у Морозова с собой было все, что могло понадобиться в любой ситуации. Коллеги шутили, что в случае конца света он непременно выживет. Опер на это только ухмылялся.

– Уже что-нибудь известно? – спросил Самсонов. Он вполне мог представить, что именно творится на месте преступления. Ошметки плоти, куски органов, осколки костей. Убийца наверняка, как и в прошлый раз, не закрыл утилизатор до конца – ему словно нравилось стоять в кровавом дожде.

Морозов почесал веснушчатый нос.

– Нет, – сказал он. – Ничегошеньки.

– Даже пол погибшего?

Морозов невесело усмехнулся:

– Шутишь?! Там кровавое месиво.

Было заметно, что у него нет никакого желания ни вспоминать то, что видел, ни говорить об этом.

– Завод уже год как не работает, насколько я знаю, – сказал Самсонов. Его не волновали эмоции коллег, он считал, что каждый должен делать ту работу, за которую взялся, и не канючить.

– Ага. – Морозов кивнул. – Убийца привез с собой аккумулятор и подключил его к утилизатору. Замок на воротах цеха взломан – просто сбит молотком и фомкой.

– Тут поблизости нет работающих предприятий?

Морозов отрицательно покачал головой:

– Завод здоровый, метров двести в длину. А вокруг – склады, там только сторожа сидят ночью.

Самсонов невольно представил, как убийца привозит жертву туда, где ее ждет смерть, – в заброшенное, темное помещение, пропахшее плесенью и крысами. То же самое было и тогда, много лет назад... Он усилием воли отогнал от себя мысли о Марине и быстро спросил:

– А убийство было совершено ночью?

Морозов кивнул:

– Полтавин сказал, что не раньше десяти вечера и не позже двух ночи.

– Кто обнаружил тело?

– Не знаю. В смысле – это был анонимный звонок. Из таксофона на углу Звездной и Ленсовета.

– Они еще остались? – удивился Самсонов. – Я думал, давно все снимали.

– Я тоже удивился, но кое-где еще стоят.

– А кто звонил хоть: мужчина или женщина?

– Мужчина.

– Что он сказал? Конкретно.

Морозов достал из одного из бесчисленных карманов маленькую блестящую пепельницу и затушил в ней окурочек: привычка, которую он завел, чтобы не мусорить на месте преступления. Самсонов ее одобрял.

– Надо запись прослушать, – сказал опер. – Я дословно не помню. Кажется, просто сообщил, что по такому-то адресу находится труп. Говорил он секунд двадцать, потом повесил трубку.

– Там есть поблизости камеры видеонаблюдения?

Морозов с сожалением цокнул языком:

– Нет. Мы это сразу проверили.

– Ворота были заперты, когда вы приехали?

– Да. Цепь и замок.

– Старый или новый?

– Новый. Цепь тоже. Я думаю, убийца привез их с собой и заменил ими те, что были раньше.

Самсонов нахмурился:

– Зачем?

– Скорее всего, он срезал цепь кусачками.

– Здоровенные же кусачки для этого нужны, – заметил Самсонов.

Морозов пожал плечами:

– Но такие есть.

– Знаю. А следы?

Морозов махнул рукой:

– Полно! И обуви, и шин. Ребята Полтавина ползают сейчас по земле, собирая все, что могут обнаружить. Похоже, убийца даже не пытался их уничтожить.

– Странно, – заметил Дремин.

Опер кивнул:

– И не говори. Может, он хочет, чтобы мы на него вышли?

Дремин усмехнулся:

– Ты сам-то в это веришь?

Морозов покачал рыжей головой:

– Не особенно. Отдает кинематографом.

Самсонов кивнул:

– Вот именно. С другой стороны, почему-то убийца не опасается, что следы выведут нас на него. Почему?

Морозов пожал плечами:

– Наверное, считает, что таких шин полным-полно.

– И он прав, – проговорил Дремин. – Чья это территория? – добавил он, оглядевшись. – Кто владелец? Ему сообщили?

– Да. Некий Эдуард Семенович Збруев. Он купил территорию завода, когда тот обанкротился, чтобы перепродать, но покупателей пока не нашел. Он едет сюда.

– Ясно. Это хорошо. – Самсонов бросил взгляд на забор. – Я так понимаю, тут охраны нет?

– Нет. Все заброшено, брать нечего. Да никого и не волнует, даже если кто что и сопрет. Продается-то земля, а не барахло.

– Ну, если здесь остались станки, их можно как минимум сдать в металлолом.

– Наверное, это никого не заинтересовало. Впрочем, может, кто и подворовывал потихоньку. Но это едва ли имеет отношение к делу.

– Думаешь? А сторожей с соседних складов допросили?

– Пока нет. Мы ж приехали незадолго до вас.

– Ладно, ими я займусь сам.

– Можем вместе сходить, – предложил Морозов. – Полтавин все равно всех выгнал. В цеху сейчас только он и его архаровцы.

Самсонов с досадой посмотрел на небо, откуда начал падать мелкий противный дождь.

– Как погода-то изменилась, – пробормотал он.

– Могу дать зонтик, – предложил Морозов. – У меня есть.

Самсонов почти испуганно взглянул на его желтую куртку: в какой карман мог уместиться зонтик?!

– Где? – спросил он машинально.

– В машине.

– Валер, я вам нужен? – встрял Дремин. – Или я лучше пойду туда? – Он указал на ворота. – Коровин там еще?

Морозов кивнул.

– В здании слева, – сказал он.

– Зачем он тебе? – поинтересовался Самсонов.

– Я прихватил материалы по... тому делу, – ответил Дремин, глядя в сторону. – Хочу сравнить, есть ли совпадения. Расхождения тоже, конечно.

– Какому делу? – быстро спросил Самсонов, хотя все и так было ясно.

– Хоботова, – нехотя ответил следак.

– Оно у тебя с собой?

– Да, в машине.

Первым желанием Самсонова было потребовать папку и самому заняться сличением, но он взял себя в руки.

– Хорошо, – кивнул он. – Давай. А ты, – добавил он, обращаясь к Морозову, – тащи свой зонтик. Пойдем опрашивать сторожей.

Было заметно, что Морозов и Дремин испытали облегчение. Через пять минут следак отправился с папкой под мышкой искать Коровина, а Самсонов с Морозовым пошли к одному из трех примыкавших к территории завода складов.

– Когда у тебя отпуск в этом году? – спросил вдруг Морозов.

Зонтик, который он принес, был невообразимой расцветки и на фоне серого пейзажа выглядел настоящим взрывом на лакокрасочной фабрике.

– В августе, а что? – ответил Самсонов.

– Да нет, ничего. С Кариной куда-нибудь собираетесь?

Самсонов вздохнул:

– Еще это не обсуждали.

– Как у тебя с ней вообще? Все нормально?

– Вроде да.

Самсонов отвечал рассеянно: он думал об убийстве, и вопросы Морозова казались ему пустыми.

– Она, по-моему, хорошая деваха, ты ее не отпускай, – проговорил опер.

Самсонов удивленно воззрился на него и притормозил:

– С чего вдруг такая забота о моей личной жизни?

Морозов смущенно пожал плечами. Голубые глаза виновато забегали.

– Да так. Не обращай внимания. Просто я рад, что у тебя все хорошо.

– Типа есть кому поддержать? – прищурился Самсонов. Кажется, он начал понимать, к чему клонит опер.

– Да нет! – запротестовал Морозов с преувеличенным энтузиазмом. Зонтик заходил у него в руках ходуном. – При чем тут это?!

– Ладно, не бери в голову. – Следователь указал на ворота, возле которых возвышалась будка охранника. – Нам сюда?

– Ага. Сторожа зовут Роман Петрович Сытников. Мы сразу записали фамилии всех троих, пока не сменились.

– Могли бы и опросить.

Рыжие брови взметнулись сантиметра на два.

– Впопыхах? Это не дело, сам знаешь. Свидетель сразу чувствует, что ты торопишься, и выдает сведения по минимуму: мол, все равно это никому не интересно.

Самсонов кивнул. Морозов, слывший педантом, был, конечно, прав. Опрашивать очевидцев нужно обстоятельно, обращая внимание на детали и оговорки, – мало ли что потом окажется важным.

Они постучали в ворота. Через десять секунд из будки высунулся мужчина в мятом спортивном костюме. На вид ему было лет сорок, а то и больше. Из-под шапки торчали ключьями седые волосы, под глазами набрякли темные мешки.

– Полиция! – рявкнул Морозов. – Открывай!

Сторож спустился вниз и отодвинул засов на калитке.

– Старший лейтенант Самсонов, – представился следователь. – Лейтенант Морозов. Вы уже знаете, что на соседнем заводе обнаружен труп?

– Ага, – кивнул сторож, переводя взгляд с одного полицейского на другого. Голос у него был хриплый, словно простуженный. – Мне сказали. Просили никуда не уходить, хотя мне тут куковать до девяти вечера. Надеюсь, потом-то уйти можно будет? – Он широко зевнул, не удосужившись прикрыть рот рукой.

– Конечно, – сказал Самсонов. – Мы только зададим вам несколько вопросов.

– А-а. Ну, давайте. – Сторож пожал плечами и сунул руки в карманы. Кожа у него на лице была грубая и обветренная, словно он не работал сторожем, а служил на корабле.

– Вы видели, как кто-нибудь въезжает на территорию завода? – спросил Самсонов.

– Не-а. Далеко, да и не смотрю я туда никогда. Зачем? Мне и тут хватает делов. Есть за чем приглядеть. А за то, чтобы я смотрел туды, мне денег не плотють.

– Когда вы заступили на дежурство?

– А?

– Когда на работу вышли, говорю.

Сторож шмыгнул носом. Поежился, недовольно взглянув на серое небо. Ему явно хотелось побыстрее вернуться в будку.

– Вчера.

– Во сколько?

– В восемь.

- Спали?
- Нет. Не положено, – хмуро добавил сторож.
- Что, даже не вздремнули?
- Говорю же, нет.
- Ладно, допустим. Видели подъезжающие к заводу машины?
- Никто туда не ездит, он закрыт.
- Знаю. Так не видели?

Сторож сплюнул сквозь крупные желтые зубы:

- Не-а. Не видал.
- Может, слышали хотя бы звук мотора или еще что-нибудь?

Сторож приподнял бейсболку, потер лоб ладонью и с досадой взглянул на полицейских.

– Ничего такого, – сказал он. – У меня магнитофон работал, я всегда включаю, чтобы не скучно было.

Было ясно, что этот разговор не даст ничего: мужик либо проспал, либо бухал. А может, совмещал одно с другим. В любом случае ему нечего было сказать по поводу того, что происходило по соседству.

- Занятный у вас зонтик, – вдруг насмешливо заметил сторож и шмыгнул носом.

Следующий, кого опрашивал Самсонов, был тощий блондин в зеленом комбинезоне и толстом сером свитере, который не стирался, наверное, лет пять. Звали его Жмыхов Георгий Анатольевич, и было ему сорок четыре года, двенадцать из которых он проработал сторожем склада сыпучих смесей, примыкавшего к заводу с северной стороны. Он заявил, что на работу заступил в десять вечера, вскоре услышал тихое гудение, но откуда оно доносилось, сказать не мог. Около трех сторож заснул, о чем сообщил, ничуть не стесняясь.

- Разве вам можно? – притворно удивился Самсонов, памятуя о предыдущем разговоре.
- А чего нет-то? – не понял сторож.
- Ну, вы же должны следить за всем.
- У нас тут везде сигнализация, – сказал сторож. – Чего себя мучить?

Самсонов понимающе кивнул.

- А машины вы видели? – спросил он. – Хоть какие-нибудь?

– Чтобы к воротам завода подъезжали? – уточнил Жмыхов. – Нет, но если фар не зажигать, то ночью и не разглядишь ничего.

Последний, к кому отправились Самсонов и Морозов, был кругленький узбек в засаленной телогрейке и потертых джинсах. Звали его Мурсанбек, и он с ходу торопливо объяснил, что с регистрацией у него все в порядке, и тут же предъявил, не дожидаясь просьб об этом, целую кипу документов, сверху которой водрузил паспорт. Говорил он с легким акцентом. В России жил уже шесть лет.

– Когда вы заступили на свою смену? – задал вопрос Самсонов, когда Мурсанбек убедился, что по крайней мере прямо сейчас из страны его высылать не собираются.

- В одиннадцать часов, – с готовностью ответил сторож.
- Видели кого-нибудь на территории завода?
- Машина была.
- Какая?
- Марку не знаю, но большая.
- Грузовик?
- Нет, фургончик. Как «Газель».
- Но не «Газель»?
- Может, и она. Отсюда трудно было разглядеть.
- Фары зажигались?
- Нет.

– Как же вы ее увидели?

– Сначала услышал.

Самсонов прикинул расстояние: пост Мурсанбека действительно был ближе к цеху, чем будки других сторожей.

– Так, – проговорил следователь, – и что было дальше?

– Вышел посмотреть. Завод-то закрыт. Вот я и подумал: кто туда приехал, да еще и ночью?

– И что вы увидели? Только подробно.

Мурсанбек взъерошил черные волосы и причмокнул губами, словно пытаясь избавиться от застрявшего между зубами мяса.

– Да ничего особенного. Машина стояла задом к цеху, видна была только кабина. Я постоял минуты две и ушел.

– И никого не видели?

– Нет. А там действительно кого-то убили?

– Да. Почему вы не вызвали полицию?

Мурсанбек всплеснул руками:

– А зачем? Брать там нечего. Все ценное вывезли давным-давно. Ну забрался кто-то, может, металлолом искал. Что он увез бы в своем фургончике? Станок? Он бы его не поднял даже.

– Вдвоем поднять можно, – заметил Морозов.

– Вдвоем можно передвинуть, – поправил сторож. – А поднять на высоту кузова – нет. Я знаю, я восемнадцать лет работал на заводе слесарем.

Опер не стал спорить.

– Вы не видели, как машина покидала территорию завода? – спросил Самсонов.

– Нет.

– Может, слышали?

– Наверное, да. Шум мотора доносился, но я не уверен, что это был именно этот фургон.

Из будки я не выходил.

– В котором часу это было, не запомнили?

– Точно нет. Но не позже часа.

– Откуда такая уверенность?

Мурсанбек широко улыбнулся, продемонстрировав два стальных зуба.

– Почти сразу после этого по радио началась передача для тех, кто не спит. Она идет с часу до трех. Я расписание наизусть знаю, – добавил он не без гордости.

– Вы слышали гудение со стороны цеха?

– Да.

– Как вы думаете, что это было?

– Понятия не имею. Может, какой-то генератор. Звук вроде похож.

– Больше ничего полезного сказать не можете?

Узбек пожал плечами:

– Вроде нет.

Когда Самсонов и Морозов вернулись на заброшенный завод, то первым делом нашли в цехе Полтавина. Патологоанатом возглавлял группу криминалистов. Он вышел к полицейским, на ходу протирая очки в массивной черной оправе. В каждом ухе у него было по тоннелю, над белоснежным воротничком рубашки виднелся край татуировки – голова журавля с красным хохолком.

– Что скажешь? – задал Самсонов первый вопрос, обменявшись с ним рукопожатием.

Полтавин водрузил очки на мясистый нос, помигал глазами и ответил, слегка растягивая слова:

– Пока ничего. Там работы на несколько часов. Сплошная кровавая каша. Убийца оставил утилизатор приоткрытым, так что пол и стены словно покрыты фаршем.

– А... вокруг?

– Следы сняли, будем определять марку машины и фирму, изготовившую шины. Мне рисунок незнаком. А все, что мы подобрали, я отдал Дремину, он вон там. – Патологоанатом указал на одноэтажное здание справа от ворот.

– Что вы подобрали? – не двинувшись с места, спросил Самсонов. Он был уверен, что знает ответ.

– Обрезки проводов, изоляции и заламинированный рисунок. Отпечатки мы проверили, анализ поверхностей сделали, так что пользуйтесь.

– Рисунок чего? – проговорил Самсонов, уже догадываясь, каким будет ответ.

Полтавин поморщился, машинально отряхиваясь, хотя на прозрачном пластиковом комбинезоне, надетом поверх костюма-тройки, не было ни пылинки. Как криминалист умудрился не испачкаться, облазав на заводе все вдоль и поперек, было загадкой.

– Не знаю, – сказал Полтавин. – Какой-то четырехрукой теткой. Андрюха говорит, она похожа на индийскую богиню. Я в этом не разбираюсь.

– Значит, у Дремина, – пробормотал Самсонов, глядя на здание у ворот. Ему одновременно хотелось и зайти внутрь, чтобы поскорее увидеть рисунок, и бежать куда подальше, не оглядываясь. Он с трудом перевел дыхание.

– Ага, – кивнул Полтавин. – Отпечатков нет, зато на изоляции имеются следы машинного масла. Я думаю, оно попало с генератора, который преступник устанавливал внутри цеха, чтобы запустить утилизатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.